

«Жди меня, и я вернусь...»

Эти симоновские строки о нем, моем дедушке

МНОГО СЛЕЗ принесла Великая Отечественная. Но иногда она связывала людей любовью и дружбой на всю жизнь. Так на долгие годы соединила война Владимира Дмитриевича Русина и Александру Егоровну Алымчиву.

Он родился в городе Рососи Воронежской области. Его отец погиб в 1923-м, когда сыну было всего четыре года. После окончания средней школы Владимир поступает в техникум дорожного строительства под Ростовом, но затем решает, что это не его призвание, и идет в военное училище. В 1941 году, сразу после выпускного бала, молодой лейтенант отправляется на фронт.

В первые дни сражений он со своим полком попадает в окружение и берет на себя ответственность за пятнадцать необстрелянных парней и девушек. После долгой ходьбы по лесам и лесным болотцам Владимир вместе со своими товарищами вырывается из вражеского кольца...

После длительных проверок НКВД его берут в органы госбезопасности, направляют в Подмоскovie, а затем — на 2-й Белорусский фронт. В 1943 году он знакомится с Шурой. Она с отличием окончила в Магнитогорске школу, поступила в техникум, но после второго курса 19-летней девчонкой ушла добровольцем на фронт.

Капитан Владимир Русин сразу обратил внимание на никогда не унывающую Сашу. Молодые люди полюбили друг друга. В 1944-м они регистрируют брак в городе Кри-

чине, и Александра вскоре уезжает к родителям, так как ждет первого ребенка. С любимым ее разделяют тысячи километров...

Сына назвали Эдуардом. «Друг мой Сашенька», — пишет жене Владимир, и в этих словах чувствуются необыкновенная привязанность и печаль расставания. А заканчивается послание так: «Целую своего маленького сыночка Эденьку и тебя. Пусть все будет хорошо. Ваш верный друг и папа Владимир Русин». А вот еще один отрывок из письма тех лет: «Погиб Михаил Быков, мой товарищ. Я плакал... Вечная память другу, павшему в борьбе за независимость нашей Родины».

«Жди меня, и я вернусь, только очень жди...» Мне кажется, эти известные симоновские строки о нем, моем дедушке. После войны он служил в Иране. И вновь их любовь проявлялась лишь в письмах и от-

Иногда война связывала людей любовью и дружбой на всю жизнь

крытках. «С Новым годом, Сашенька! — говорится в одном из поздравлений. — Мой верный друг, моя нежная подруга, жди меня — я войду в твой дом и буду счастлив встречей. Твой Владимир».

В 1946-м он получает назначение в Калининград, а через год сюда же переезжает Александра Егоровна. По ее словам, все там было разрушено. Некоторое время жили на квартире, пока не обустроили свое жилье. Вла-

димир работает в службе госбезопасности, а его любимая Шуручка — назначен в этом же учреждении. У них рождается еще один сын, названный в честь отца Владимиром. В 1953 году глава семьи оканчивает Калининградский институт по курсу истории и вскоре становится счастливым отцом еще одного сына, получившего имя погибшего на войне Ростислава Зошенко.

В шестидесятые годы Русины пе-

реселяются в Магнитогорск, где Владимир Дмитриевич становится руководителем общества «Знание», а затем лектором-международником: он ездит по совхозам, ему выписывают пропуск на комбинат. Но это была всего лишь формальность — его и так на всех проходных знали в лицо.

Будучи на пенсии, мой дедушка не мыслил себя вне жизни своей страны: слушал радио, рассказывал о положении в мире своим близким

друзьям. Гулял со мной по набережной Урала, а летом вместе с Александрой Егоровной выезжал на дачу, с большим азартом занимался огородом.

К сожалению, нет ничего вечного. В 1997 этого замечательного человека не стало. Только вечная память о нем будет храниться в сердцах близких людей и освещать их путь.

Ирина РУСИНА,
учащаяся школы № 1.

С клеймом врага

ПРАВДА

60-летие Победы отмечается с большим подъемом. Есть что сказать и российским немцам, верой и правдой всегда служившим своей Родине.

Можно назвать сотни имен советских немцев, успевших совершить подвиги на фронте еще до того, как они вдруг «потеряли доверие» руководства страны, которое, очевидно, лихорадочно искало виновников своих неудач в начальный период войны, а по сути — своей бездарности.

Двести поволжских немцев — защитников Брестской крепости — своим мужеством цементовали ее ряды. Даже если у кого возникали подленькие пораженческие мыслишки, они исчезали под влиянием примера немногословных воинов-тружеников, привыкших не словом, но делом служить Отечеству. А командир 125-го полка майор Николай Дулькайт, собрав всех оказавшихся рядом бойцов и командиров северных рубежей крепости, вывел их из крепости и с боями пытался догнать свою «могучую, непобедимую и легендарную» армию. Но, к своему «счастью», не догнал, вновь попал в окружение и в плен, где погиб как герой во вражеском концлагере, а не в своем с клеймом врага. В той же Брестской крепости отважно воевал старшина Вячеслав Мейер, командовавший группой подразделений на берегу Мухавца. Он погиб смертью героя. Его родные тоже погибли. Но смерть настигла их в родном уральском лагере ГУЛАГа при возведении гиганта советской оборонной промышленности.

Кто — свой, кто — враг? Все перепутали горе-вожди, решавшие свои амбициозные задачи, жертвуя жизнями миллионов людей, объявляя соотечественников, целые народы, врагами.

Свой вклад в Великую Победу внесли разведчики Рихард Зорге, Рудольф Абель и другие. Героями Советского Союза стали фронтовики — лейтенант Вольдемар Венцель, рядовые Петер Миллер и Михаэль Генкель, генерал-майор Сергей Волькенштейн, партизаны Николай Охман, Эдуард Эрдманн, Роберт Клейн, подпольщик Николай Гефт и другие. А сколько обошли награды по причине их «немецкости»?

Не оценен до конца самоотверженный труд сотен тысяч советских немцев в тылу: на стройках, в шахтах, на лесоповале, в сельском хозяйстве. Строители Богословского завода — бригада немцев — даже удостоились благодарности Верховного. Но это не стало причиной их освобождения из-под конвоя.

В указе Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года говорится: «В отношении больших групп немцев — советских граждан — были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам. Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола... в действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза...» Тем не менее, потери советских немцев в годы войны оказались самыми внушительными — их число сократилось на одну треть.

Виктор ГРИНИМАЕР.

С санитарной сумкой на плече

СЕСТРИЧКА

Все дальше уходят годы войны. Вместе с ними уходят солдаты жестокой битвы. Но еще живы свидетели той страдной поры. Среди них Мария Федоровна Воронцова. Сегодня ее нечасто встретишь на улице — солидный возраст, да и здоровье подводит. И трудно поверить, глядя на ее совсем не героическую внешность, что в годы войны она девятнадцатилетней девчонкой добровольцем ушла на фронт и воевала в зенитном батальоне. Была медсестрой, закончила войну в звании сержанта медицинской службы. «Санитарная сумка — вот моя работа», — говорит Мария Федоровна. Была она для раненых ангелом-хранителем.

«Спасибо, сестричка!» — шептали в ползабытой ей они, и не было для нее ничего дороже тех слов. Но каждая смерть оставляла на сердце зарубину, и ни одна из них не заросла до сих пор. Досталось Марии Федоровне с лихвой — столько увидела она стра-

даний, крови, смертей, что, казалось, не выдержит девичье сердечко, не хватит слез оплакать всех. Сегодня, по прошествии десятилетий, рассказывая о войне, не может она сдержать подступающий комок к горлу и скапливаются в глубоких морщинках у глаз слезы. «Пока была молодой, — смахивает платком эти капельки Мария Федоровна, — то вспоминала о военных годах нечасто. Некогда было: жизнь брала свое, семья, работа. А сегодня накатываются, словно черная волна, мысли, и не отмахнуться от них».

И вспоминает она зловещую тишину, которая нависала над батареями перед налетом вражеской авиации. По звуку мотора могла определить летящий самолет, по очертанию крыла. Становилось страшно, она зажмурилась так, что не мели глаза, и было только одно желание — убежать подальше, спрятаться. Но санитарструктор Воронцова знала, что ее место тут и что скоро начнется ее основная работа. Так хотелось, чтобы было ее поменьше, а еще лучше — не было бы совсем. Но война есть война. А она не

бывает без боли и страданий, без ран и смерти. Поэтому шла она по фронтовым дорогам с санитарной сумкой за плечом. Вернее, не шла, а ехала вместе со своей зенитной батареей. Бывало, только прибудут на новое место, только орудия развернут да начнут окапываться, как приказ: «Сворачиваться и снова трогаться в путь». Но никто не сетовал: все знали, чем быстрее двигаемся, тем ближе победа. Она застала Марию Федоровну в Белоруссии, в Бобруйске. До сих пор помнит, как выскочили все во двор, начали обниматься, целоваться, как несло, словно песня: «Ура! Победа! Ура!»...

А потом было долгое возвращение — в Магнитогорск Мария Федоровна вернулась лишь в сентябре 1945 года. Не изменила она благородной профессии медсестры, проработав в первой городской больнице почти сорок лет, помогая людям, принимая на себя часть их страданий и боли.

Светлана ПАНЧЕНКО.

Я помню горе матери моей

Редакция газеты получает немало писем. Многие из них — в стихотворной форме. Конечно, чаще всего говорить о профессионализме не приходится, но откровенность подкупает. Такое письмо пришло и от Василия Лаврентьевича Старкова, кандидата технических наук, много лет проработавшего в МГМИ.

Горжусь, что я — России сын,
Что родом я из Сухтелей,
Горжусь, что я — казак уральский...
Дед атаманом был один,
Другой — водил казачью сотню.
И снова страшная война
По нам ударила внезапно,
О, сколько их в могилах братских
Лежат остался навсегда!
Брат Николай был рядовым,
Теперь его могила в Польше.
А Константин — сапером был,
Всего лишь только раз ошибся,

Под Витебском душа его
Осиротела после взрыва.
В бою зенитчицей была б
Отважная сестра Мария,
Да разбомбили эшелон,
Который вез на фронт девчушек...
В дом третий раз пришла беда,
В три голоса рыдала мама,
Нас было девять у нее,
Сейчас осталось только трое...
Я, мама, гимн складу тебе
За эти девять наших жизней,
За эти пролитые слезы,

За сердце щедрое твое.
Свой ненаглядный груз — детей —
Ты бережно несла по жизни,
Когда б не страшная война,
Все получилось бы иначе...
Из Черноречья верховой
Примчался с вестью о Победе,
И ликовали мы тогда,
И лили безутешно слезы,
О, как родных мы провожали
В тот сорок первый горький год...
И вот теперь притих наш хутор,
Где было некогда встречать.
Клянусь вам, братья и сестра,
Мы защитим тебя, Россия,
Как вы когда-то защитили
В боях Отечество свое.

Василий СТАРКОВ,
п. Карагайский.